

УДК 130.2

БАКШУТОВА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
Кафедра общей и социальной психологии

**ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ
РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Научный консультант – профессор Е.Я. Бурлина

Аннотация: В статье рассматриваются культурные практики интеллигенции: концептуализация, дискурсивное конструирование, идеологемы как специфические, исторически сложившиеся формы философствования российской интеллигенции, обеспечивающие её сохранность и воспроизводство.

Ключевые слова: интеллигенция, культурные практики, философствование, концептуализация, дискурс, идеологемы.

Abstract: The article deals with the cultural practices of the intelligentsia: conceptualization, discourse designing, ideologemes as specific historical forms of Russian intelligentsia philosophizing, which ensure its preservation and reproduction.

Keywords: intellectual, cultural practices, philosophizing, conceptualization, discourse, ideologeme.

Утверждение уникальности феномена российской интеллигенции вызывает всегда противоположные чувства – можно сослаться на пренебрежительные оценки этого феномена как со стороны интеллектуалов западных стран, так и собственных, но также можно апеллировать и к гордости за эту уникальность. Разные времена, разные поколения людей, творящие культуру, видят что-то своё в интеллигенции, балансируя в семантических и эмоциональных пространствах малоценности и превосходства. Интеллигенция объективно существует во всех сообществах, осуществляющих переход от общества

средневекового к модерновому. Она не просто создаёт интеллектуальные и духовные ценности, не менее важной функцией интеллигенции является трансляция их в общество, созидание общества как целостности и ценности. Специфическая деятельность по трансформации традиционалистской общности приводит в идеале к созданию гражданского общества, внедрению интеллектуальной продукции в рыночные отношения и появлению возможности индивидуального существования интеллектуалов, создающих независимые от государственной поддержки идеальные и материальные объекты.

Уникальность российской интеллигенции связана с разнообразными обстоятельствами: невозможностью отстроиться от государства, постоянной рецепцией чужих идей, специфическим нерациональным философствованием. В России знание интеллигенции (о себе, об обществе, о власти) никогда не конечно, оно всегда становится (если устанавливается, то, значит, интеллигенция полностью институализирована государством), оно всегда процесс – из-за одновременной общности и крайней индивидуализированности интеллигентского философствования. Согласованность – только в вопросотворчестве, но ответы всегда индивидуальны. Концептуализация реальности в журнальных статьях, дискурсивное конструирование идентичности в докладах, дискуссиях, переписке были внутренними формами философствования. «Словомышление» российской интеллигенции напоминает очень древние когитальные формы, когда человек, осознавший себя отдельным от природы, должен был как-то объяснить увиденное и ещё не совсем осознанное, создавая миф. Однако мифотворчество российской интеллигенции опирается не на реальность или образ реальности, а уже на созданное описание реальности, на знаковые системы, существующие в западной философии. Как известно, практики – это действия, обладающие определённым (практическим) смыслом для индивида или коллектива, они существуют во времени, повторяют сами себя и в то же время изменяются бла-

годаря некоторой свободе, приносящей индивидуальными габитусами. Практика не может «быть сведена ни к объективному целенаправленному преобразованию социального мира, ни к субъективному опыту сознания, а является действительным осуществлением (объективных и субъективных) социальных структур¹. Культурные практики интеллигенции протяжённые во времени, у них есть история, связанная с социальными и культурными практиками других социальных классов, они вписаны в исторический процесс и имеют свою специфику. Как справедливо отмечал Г.П. Федотов, «каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная – на десять лет – новую эру. Можно сказать, что столетие самосознания русской интеллигенции является её непрерывным саморазрушением»².

Культурная практика интеллигенции – это самоизменение и изменение группы, обусловленное дискурсом, производящим аутентичный дискурс модернизации российской культуры. Идея модернизации России является внутренне необходимой, но как практика и как рефлексия привносится интеллигенцией из западной культуры и является чуждой по отношению к внутренней традиции, такой же «выглядит» группа, осуществляющая эту рефлекссию. Необходимость присвоения идеи модернизации русской культурой, соединения объективных структур преобразования социального мира и субъективной интериоризации порождает атипичный

¹ Шматко Н.А. На пути к практической теории практики / Н.А. Шматко // Бурдые П. Практический смысл. – СПб: Алетей; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. – С. 552.

² Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб: София, 1991. – 954 с. – С. 54.

дискурс интеллигенции, в котором философствование выступает стилиевой характеристикой.

Дискурс – это высказывания, коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определённом временном, пространственном и прочем контексте; это инструмент конструирования идентичности, опирающийся на модели социального опыта, представленные в когнитивных схемах (прототипах, скриптах и т.п.). По словам М.Л. Макарова, по сравнению с «механическим миром вещей, пространства, времени и каузативности дискурс представляет собой социальную реальность, где один «речевой акт не может однозначно определять тип и свойства последующего акта». Высказывание как «атомарный факт социального мира» создаёт условия, при которых последующее высказывание может быть ожидаемо, но не обязательно, что оно действительно будет соответствовать нормам и правилам общения. В дискурсе нет однозначно детерминированных отношений, он характеризуется «размытыми вероятностными зависимостями «речи-во-взаимодействии»»³. То есть интеллигентский дискурс – это не целостная упорядоченная система текстов, как считают некоторые авторы, но их конгломерат (соединение разнородного), совокупность высказываний, обсуждение, философствование интеллигенции об интеллигенции (о месте, роли, функциях в обществе, психологических характеристиках, прошлом и будущем и т.п.), обладающее временной и содержа-

тельной динамикой и направленное на воспроизводство группы. Именно поэтому любой «интеллигентский» текст, в какой бы период истории он ни был создан, понятен «интеллигентному» читателю в любой другой период. Сотворчество дискурса, единое (хоть и раздвоенное) сознание группы позволяет ставить через запятую имена Бердяева, Горького, Солженицына, Сахарова и др. Именно они, эти имена, включённые в дискурс, детерминируют социализацию сообщества интеллигенции и служат эпонимами идентичности. Однако вопрос о диалогичности дискурса интеллигенции не так прост. Кто является со-участником коммуникации интеллигенции? Предположительно, Власть и Народ должны быть представлены в дискурсе, как тот Другой, с которыми осуществляется диалог и совместное смыслопорождение. Однако история интеллигенции – это скорее история несостоявшегося диалога интеллигенции и Мира. Неоткрытость Другому обуславливает и невозможности интерпретативного самопознания. Вот почему, несмотря на многоуровневость, сверхсвязность и конфликтность, интеллигентский дискурс, по существу, остаётся дискурсом самоопределения и самопознания (то есть конструирования идентичности) вплоть до настоящего времени. Говоря словами У. Эко, интеллигентский дискурс является «открытым» текстом, примером «такого синтактико-семантико-прагматического устройства, в самом процессе порождения которого предусматриваются способы его интерпретации»⁴. На самом деле этот текст

³ Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – ИДТКГ Гнозис, 2003. – 252 с. – С. 19.

⁴ Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко / Пер. с англ. – М.: Изд-во РГГУ, 2005. – 502 с. – С. 11-12.

(Текст) может интерпретироваться одновременно как профанный и сакральный, открытый не для всей публики, а только для той, которой понятны смыслы, значения, интенции этого текста. Текст, открытый для интеллигенции, закрыт для остального общества, он является своеобразной самореферентной системой, он, пожалуй, не ждёт собеседника. Дискурс интеллигенции как культурная практика имеет свойство экзистенциальности – он одновременно порожаемый и порождающий. Только он в специфических условиях модернизации в России обеспечивает бытие группы как целого социокультурного макрофеномена.

Группа «говорит» от имени других групп и для других групп; осмысление реальности, её объективация характеризуются такими формами концептуализации и категоризации, которой свойственны: аксиологизация любого предмета осмысления («погружение» в литературу таких категорий, как «народ», «овес», «наука», их эмоционально-оценочное осмысление и описание и «возвращение» в социальную реальность; причём в обратной ситуации – при излишней логизации (т.е. иных способах культурной объективации) – интеллигенция превращается в технологическую структуру, создающую лозунги и директивы); ментальная конфликтность (негативный и позитивный мифы об интеллигенции; конфликт установок: эволюционизм – революционизм, активность – пассивность, оппозиционность власти – сервилизм, «свои» – «чужие» и «своё» – «чужое»;

разделение на «подлинных» и «неподлинных» интеллигентов и др.); литературоцентричность российского габитуса («литературизация вне литературного становится ведущей формой культурного самоопределения и действия»⁵ – настоящую жизнь можно было увидеть только в художественных произведениях, они же предоставляют образцы мышления и поведения, а «толстые» журналы заменяли собой общественные объединения и политические партии).

Описанные характеристики концептуализации в дискурсивном процессе превращают концепты в идеологемы – социолекты, «гипотезы смысла» (М.М. Бахтин), «украшающие» интеллигентскую картину мира, маркирующие дискурс как практику, где «стимулы не существуют как объективная истина условных и обусловленных пусковых устройств, а действуют только при условии их встречи с агентами, способными их узнавать»⁶, то есть дискурс является инструментом инкультурации агентов, индивидов в группу, способом их идентификации (не существует объективных «внешних» маркёров, определяющих принадлежность человека к интеллигенции, идентификация осуществляется только на основе самоатрибуции). Идеологемы описаны Г.П. Федотовым, и они также предстают в синкретически сосуществующих антиномиях: православие и идейность, подменившая веру в Бога; западники и славянофилы; почвенники и беспочвенники разных времен, периодически сменяющие друг друга; народопоклонство и терроризм;

⁵ Дубин Б. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры / Б. Дубин. – М.: НЛО, 2001. – 412 с. – С. 10.

⁶ Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые. – СПб: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. – 562 с. – С. 103.

умственный консерватизм и радикализм⁷. Сознание и самосознание интеллигенции характеризуются дивергентностью конфликта, который не имеет однозначного решения, неразрешим и может быть только интегрирован. Возможности преодоления конфликта, на наш взгляд, раскрываются в концепции коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса. По его словам, возможности Модерна ещё не исчерпаны до конца и требуют на новом витке истории обращения к себе, к возобновлению общественного договора, передоговаривания. Коммуникативная рациональность нацелена на создание новых подходов к социальной реальности, на поиск методов рационального прогнозирования, новых норм, ценностей и содержащихся в них культурных смыслов, которые могли бы послужить ориентирами для развития как общества, так и самого человека. В этих условиях она приобретает характер созидательного процесса, в котором активно используется интеллекту-

альная интуиция, творческое воображение, в том числе политическое, создаются социокультурные модели и проекты. Они должны проверяться в практическом дискурсе, а в социальном плане открывать возможности не только модернизации, но и гуманизации общества. Осуществление скоординированных конкретных социальных действий в этом направлении – коммуникативных действий, согласно терминологии Ю. Хабермаса – является конечной целью коммуникативной рациональности⁸. К сожалению, для современного мира времени распада связей в государствах, группах, сообществах это актуально, как никогда. Но ситуация не представляется нам совершенно безнадежной. Коль скоро реальность конструируется и управляется дискурсивно, то понимание и изменение дискурсивных правил, а, следовательно, и культурных практик интеллигенции в целом, способно привести к конструктивным изменениям.

⁷ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции / Г.П. Федотов // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб: София, 1991. – 954 с.

⁸ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2003. – 410 с.